

Культисты описывали звезды так: они, судя по всему, представляют собой некие невидимые небесные тела, которые внезапно вторгаются в поле зрения людей лишь тогда, когда завершается Год Покаяния и боги изливают свой гнев на Калгаш.

Это совсем не так.

В тот вечер, за шесть месяцев до солнечного затмения, Бини говорил в Клубе Шести Солнц следующее:

Мы считаем, что наступят затмение и ночь, но что касается звезд — их существование невозможно. В космосе, помимо нашего мира, шести солнц, нескольких астероидов и Второго Калгаша, нет никаких иных объектов. Если бы существовали еще и звезды, почему мы не смогли бы зафиксировать их присутствие? Почему их не удастся обнаружить с помощью приборов для наблюдения орбитальных возмущений? С помощью этого метода мы смогли вычислить Второй Калгаш. Если бы в пространстве за пределами нашего мира существовали звезды, закон всемирного тяготения оказался бы несостоятельным. Но мы-то знаем, что этот закон верен.

Мы знаем, что с этим законом все в порядке, — эти слова слетали с уст Бини. Но чем они отличались от слов Фримонта: Мы знаем, что «Книга Откровений» — это книга истин?

Сначала, когда Бини и Шелин сообщили Серимону, что всему миру суждено пережить период разрушительной темноты, он отнесся к этому с недоверием и страхом. Однако картины грядущего конца света так глубоко запечатлелись в его памяти, что он захотел сделать всё от себя зависящее, чтобы помочь им.

Артур хочет встретиться с Фримонтом, — сказал Бини. — Он желает узнать, располагают ли культисты какими-либо древними астрономическими свидетельствами, способными подтвердить наше открытие. Ты можешь это устроить?

Какая нелепая мысль, — отозвался Серимон. — Этот вспыльчивый старик, преданный науке, жаждет встретиться с глашатаями антинауки, лженауки. Ладно, посмотрю, что можно сделать.

Никто не ожидал, что эта встреча организуется так легко. Серимон давно планировал снова взять интервью у Фримонта, и культист с четкими чертами лица согласился принять его на следующий день.

Артур? — переспросил Фримонт, когда журналист передал ему слова Бини. — Зачем ему встречаться со мной?

Возможно, он подумывает вступить в ряды культистов! — в шутку ответил Серимон.

Фримонт громко рассмеялся.

Вряд ли. Судя по тому, как я его знаю, не пройдет и много времени, как он выкрасит себя в фиолетовый цвет и принялся бы разгуливать голышом по улицам Саро.

Что ж, возможно, он уже сменил веру, — произнес Серимон, намеренно сделав паузу, а затем осторожно добавил: — Мне известно, что он и его люди располагают некими материалами, которые вполне могут послужить подтверждением вашей веры в то, что 19 сентября весь мир погрузится во тьму.

Фримонт осторожно сдержал эмоции, словно эти слова не произвели на него особого впечатления. Он небрежно приподнял бровь.

Если это действительно так, было бы великолепно, — спокойно изрек он.

Правда это или нет, станет ясно при личной встрече.

Я могу с ним встретиться, — ответил культист.

И они действительно встретились. На самом деле, несмотря на все усилия Серимона, ему так и не удалось узнать суть беседы Фримонта и Артура. Артур и Фримонт были единственными участниками встречи, и, насколько было известно Серимону, после ее окончания они не проронили ни слова вовне. Даже главный связной из Астрономической обсерватории, Бини, мог поделиться лишь туманными догадками.

Это связано с древними астрономическими записями, суть которых известна только культистам, — доложил Бини. — Больше я ничего не могу тебе сказать. Артур подозревает, что эти верования передавались из поколения в поколение на протяжении веков, возможно, еще со времен предыдущего затмения. Знаешь ли, некоторые разделы «Книги Откровений» написаны на забытом древнем языке.

Ты хочешь сказать, на позабытом древнем языке? Никто не способен его понять.

Верно, я не могу его прочесть, — признал Бини. — Тем не менее, некоторые известные философы полагают, что эти главы могут представлять собой доисторические варианты текста. Что, если у культистов действительно есть способ расшифровать этот язык? Но они не желают обнародовать его, поскольку любое разглашение астрономических данных карается в соответствии с «Книгой Откровений». Вот в чем заключается главный вопрос, который хотел выяснить Артур.

Выслушав это, Серимон оживился.

Ты хочешь сказать, что Артур — самый выдающийся астроном нашего времени, а возможно, и за всю историю человечества, — счел необходимым обратиться за решением научной проблемы к этой банде фанатичных культистов?

Бини пожал плечами:

По-моему, мнение Артура совпадает с твоим: он тоже недолюбливает этих культистов и их доктрину. И тем не менее, он считает встречу с твоим другом Фримонтом чрезвычайно полезной.

Он мне не друг! Строго говоря, мы просто знакомые по работе, — возразил Серимон.

Хорошо-хорошо, называй как хочешь... — Бини перебил его, и в Серимоне всколыхнулся неожиданный гнев, который поразил даже его самого. — И заметь: если в конце концов ваша компания заключит с культистами какую-то сделку, я этого не потерплю! По моему убеждению, культисты олицетворяют самую тьму — самую реакционную, самую гнусную ее разновидность. Стоит нам пойти им на уступки, как нам придется заново переживать средневековый уклад с его постами, безбрачием и духовным истязанием человека. К несчастью, среди нас находятся психически неуравновешенные личности вроде них, которые целыми днями несут чушь и сочиняют ложь, лишь бы нарушить наше мирное и размеренное существование. Но если столь уважаемый человек, как Артур, станет выдавать эту бредоню за собственные открытия и тем самым поднимать вес этих нелепых ничтожеств... Друг мой, одно это заставляет меня относиться с подозрением к любым вестям, исходящим из вашей обсерватории.

На лице Бини отразился испуг.

Если бы ты знал, Серимон, с каким презрением Артур отзывался о культистах, сколь глубоко он презирал любые их суждения...

Тогда зачем он унизился до разговоров с ними?

Ты ведь и сам беседовал с Фримонтом!

Это другое дело. Нравится тебе это или нет, Фримонт в последние дни постоянно создает новости, и разбираться в том, что у него на уме — моя прямая обязанность.

Возможно, Артур чувствовал то же самое, — с вызовом бросил Бини.

На этом их разговор перерос в ссору, чего никто из них не ожидал. Поскольку Бини действительно не знал, пришли ли Артур и Фримонт к какому-то соглашению и в чем оно заключалось, Серимон понимал, что препираться с ним на этот счет бессмысленно. Однако вскоре Серимон осознал, что именно эта беседа заставила его в корне пересмотреть свое отношение к Бини, Шелину и остальным сотрудникам университета. С того самого момента он превратился из сочувствующего и любопытствующего наблюдателя в едкого, издевающегося критика. И хотя организация встречи между директором обсерватории и культистом произошла благодаря его посредничеству, теперь этот шаг казался ему самым подлым предательством — капитуляцией лагеря Артура перед лицом реакционных сил и слепого

невежества. Серимон никогда до конца не верил теориям ученых — несмотря на то, что они позволили ему ознакомиться со всеми так называемыми доказательствами, — и когда сообщения о неминуемом солнечном затмении впервые появились на страницах «Кроникл», в своей колонке он занял подчеркнуто нейтральную позицию.

Смелое предсказание, — так озаглавил он статью. — Пугающее — если оно верно. Ибо Артур 77 открыто заявляет, что любое длительное и внезапное погружение всего мира во тьму обернется неведомой планетарной катастрофой. Однако сегодня утром с другого конца света приходят совершенно иные взгляды. Уважаемый Артур 77, — заявляет астроном Хераниан 104 из имперской обсерватории Канипилиниук, — не существует никаких убедительных доказательств в пользу существования так называемого спутника Второй Калгаш, не говоря уже о возможности затмения, предсказанного Саро университетом. Мы должны крепко помнить, что солнце — даже такое маленькое, как Довим, — неизмеримо больше любого спутника, блуждающего в космическом пространстве. Это позволяет нам понять, что космическое тело вроде Второго Калгаша физически не способно точно занять позицию в пространстве, которая позволила бы заслонить солнце и лишить наш мир его света.

Однако следом последовало выступление Мондира 71 от 13 августа, в котором этот епископ с гордостью провозгласил, что виднейшие ученые мира поддержали идеи «Книги Откровений».

Глас науки отныне слился с гласом божественным, — вещал Мондир 71. — И ныне я призываю вас: перестаньте уповать на чудеса и иллюзии. То, чему суждено случиться, неизбежно; никто не спасет этот мир от гнева божьего, если только люди добровольно не откажутся от грехов, не отринут зло и не ступят на путь добродетели и справедливости.

Суровое и властное заявление Мондира 71 положило конец нейтралитету Серимона. Ради дружбы с Бини он какое-то время позволял себе относиться к гипотезе о затмении с некоторой долей серьезности. Но теперь он начал видеть в ней лишь пустую сенсацию, стряпаемую ради развлечения публики, — плод усилий группы педантичных, самоослепших ученых, опьяненных собственным энтузиазмом и готовых верить в самую нелепую небылицу века, лишь бы не признавать очевидного. На следующий день Серимон вопрошал в своей колонке читателей:

Хотите узнать, каким образом культистам Культа Пламени удалось перетянуть на свою сторону Артура 77 и заставить его сменить веру? Из всех людей на свете этот выдающийся старый астроном казался наименее подходящим кандидатом на то, чтобы примкнуть к ряженникам в мантиях и масках, торгующим дешევкой и демагогией. Неужели какой-то красноречивый фанатик околдовал великого ученого и лишил его здравого смысла? Или же дело обстоит куда проще: в Саро университете установили чересчур высокий возрастной ценз для выхода преподавателей на пенсию? Говорят, об этом вовсю шепчутся за увитыми плющом стенами.

И это было только начало. Серимон прекрасно понимал, какое влияние имеют его слова. Если бы люди начали всерьез воспринимать историю с затмением, душевное состояние общества рухнуло бы задолго до того, как полная темнота успела бы посеять хаос. Если внушить каждому, что 19 сентября наступит конец света, улицы погрузятся в безумие еще до наступления этой даты: все предадутся истерии, закон и порядок падут, социальная стабильность рухнет на долгие месяцы, а люди станут жить в постоянном страхе — и лишь богам ведомо, каким окажется эмоциональный откат, когда в назначенный день кошмар

рассеется, не успев причинить миру реального вреда. Его задачей было использовать смех как оружие, чтобы развеять этот страх, ослабить ужас перед сумерками, темнотой и гибелью. Поэтому, когда Мондир громогласно вещал о неминуемом возмездии богов, Серимон 762 отвечал ему легким, издевающимся фельетоном. Он живописал читателям, как будет выглядеть мир, если культисты добьются своего и преобразуют общество по собственному вкусу: толпы людей в купальных костюмах до щиколоток, наводняющие пляжи; спортивные соревнования, прерывающиеся на долгие молитвы при каждом переходе к новому виду программы; переписывание всей классической литературы и пьес с целью вымарать из них малейшее непочтение к богам.

Второй Калгаш был невидимым и, судя по всему, принципиально ненаблюдаемым небесным телом. Когда Артур с сотрудниками опубликовали траекторию движения этого спутника по его теневой зоне на фоне тусклого красного сияния Довима, Серимон разразился дружеским фельетоном о драконах, невидимых великанах и прочих мифологических демонах, резвящихся в небесах. Когда Мондир стал размахивать именем Артура 77 как научным авторитетом, подтверждающим поддержку церковников светскими кругами, Серимон парировал вопросом: кто вообще станет прислушиваться к авторитету Артура 77, если сам он, очевидно, рехнулся точно так же, как Мондир? Когда Артур призвал к экстренным мерам по спасению продовольствия, технологических архивов и предметов первой необходимости на случай утраты рассудка массами, Серимон в ответ предложил собственный перечень вещей, которые читатели могли бы припасти в подвалах (Открывалки, канцелярские кнопки, таблицы умножения, игральные карты... Обязательно напишите свое имя на полоске веревки и привяжите ее к запястью, дабы после наступления темноты не забыть, как вас зовут... Привяжите веревку к запястью, подпишите: желающие узнать свое имя пусть смотрят на веревку на запястье...).

После этой статьи читатели Серимона начали сомневаться, кто же из двух лагерей выглядит более безумным — прорицатели апокалипсиса из Культа Пламени или впечатлительные и доверчивые звездочеты из обсерватории Саро университета. Однако в одном не было сомнений: благодаря Серимону практически никто из простых граждан не верил, что вечером 19 сентября произойдет хоть что-то необычное.

Артур выдвинул вперед упрямый подбородок и свирепо уставился на молодого сотрудника «Кроникл», изо всех сил сдерживая клочковавшую в нем ярость.

Ты здесь? Забыл мои слова? Какая наглость!

Серимон протянул руку для приветствия, хотя в глубине души надеялся, что Артур отвергнет его жест. Но спустя мгновение он опустил руку и остался стоять с вызывающим, донельзя раздражающим видом.

Артур с трудом совладал с чувствами, его голос дрожал.

Я просто поражен твоей бесстыдностью. Как ты посмел явиться сюда сегодня вечером?

Бини в уголке комнаты высушил пересохшие губы языком и нервно произнес:

Ну, сэр, в конце концов...

Это ты его пригласил? Ты же знал, что я запретил...

Сэр, я...

Меня пригласила Сивра, — перебил Серимон. — Она настаивала, я здесь по ее приглашению.

Сивра? Сивра?! Не могу поверить, чтобы она тебя позвала. Еще пару недель назад она с пеной у рта доказывала мне, что считает тебя безответственным болваном. — Артур огляделся по сторонам. — Кстати говоря, где она? Разве она еще не подошла?

Никто не ответил на его вопрос. Артур повернулся к Бини:

Ты привел этого журналиста сюда, Бини. Я удивлен, что ты опустился до подобного. Сейчас не время нарушать приказы. Сегодня ночью обсерватория закрыта для прессы, а для этого конкретного журналиста она закрыта уже довольно давно. Немедленно выведи его отсюда.

Доктор Артур, — начал Серимон, — если вы позволите мне объяснить, почему...

Полагаю, молодой человек, все, что вы собираетесь сказать, стоит ровно столько же, сколько ваши бредни в колонке за последние несколько месяцев. Вы развернули в прессе целую кампанию против работы меня и моих коллег — людей, пытающихся сплотить общество перед лицом мировой катастрофы. Вы подвергли меня личным нападкам и сделали моих коллег по обсерватории посмешищем для всего мира!

Он схватил со стола свежий номер саровской «Кроникл» и в ярости принялся яростно трясти им перед лицом Серимона.

Даже такой прожженный негодяй, как вы, должен был проявить хоть капельку благоразумия и не заявляться ко мне с требованием позволить вашей газетенке освещать сегодняшние события! Из всех журналистов на свете только у вас хватило на это наглости!

Артур с силой швырнул газету на пол, широким шагом подошел к окну и заложил руки за спину.

Можете быть свободны, — бросил он через плечо. — Бини, проводи его.

В голове Артура пульсировала боль. Он знал, что сейчас обязан подавить гнев; он не имел

права позволить ничему отвлечь себя от надвигающейся катастрофы. Хмуρο вглядываясь в горизонт Саро, он пытался вернуть себе прежнее спокойствие — то душевное равновесие, которое так было необходимо в этот вечер.

Онус уже клонился к закату, и вскоре его сияние поблекнет, растворившись в дымке вдалеке. Артур следил за его падением. Он знал: когда он увидит это солнце вновь, он уже не будет в здравом уме.

На противоположном конце далекого горизонта висел Ситсар, изливая в пространство холодный белый свет. Брат Ситсара, Тано, скрылся из виду — он уже зашел, бесшумно скользнув за полушарие, и вскоре жители смогут наслаждаться небом с пятью светилами, — а сам Ситсар стремительно исчезал из поля зрения. Пройдет совсем немного времени, и он тоже скроется без следа.

Артур услышал, как Бини и Серимон о чем-то шептались у него за спиной.

Этот человек еще здесь? — подозрительно осведомился Артур.

Бини робко произнес:

Сэр, мне кажется, вам стоит выслушать его.

В самом деле? Ты считаешь, я должен его выслушать? — Артур резко развернулся, пылая гневом. — О нет, Бини, нет. Это он должен выслушать меня!

Он сделал властный жест рукой, подзывая журналиста, который, впрочем, и не собирался уходить.

Подойдите, молодой человек! Я предоставлю вам возможность вести репортаж.

Серимон неторопливо приблизился.

Артур указал рукой в окно:

Ситсар заходит — нет, он уже зашел. Еще две-три минуты, и исчезнет Онус, и на небе останется один лишь Довим. Видите?

Задавать этот вопрос было излишне. Сегодня маленькое солнце казалось меньше обычного, меньше, чем когда бы то ни было за последние десятилетия. Однако оно висело почти в самом зените, удивительным образом заливая мир багровым светом. По мере того как угасали последние золотистые лучи садящегося Онуса, земля приобретала необычный, зловещий багряный оттенок.

Закинув голову назад, Артур стоял под лучами Довима, и лицо его казалось красным.

Всего четыре часа, — произнес он. — И привычная нам цивилизация прекратит свое существование. Ибо, как вы можете видеть, Довим останется единственным солнцем на небосводе.

Он прищурился, вглядываясь в линию горизонта. Последний отблеск желтого сияния Онуса окончательно угас.

Смотрите. Остался только Довим. До конца всего осталось четыре часа. Можете напечатать об этом! Впрочем, читать это уже никто не станет.

Но что, если через четыре часа — или даже через восемь — ничего не произойдет? — тихо спросил Серимон.

Не беспокойтесь на этот счет. Уверю вас, произойдет очень многое.

Возможно. А если всё-таки ничего?

Артур подавил поднимающуюся волну ярости.

Если вы немедленно не уйдете, сэр, и Бини отказывается вас выпроводить, я позову университетскую охрану. И еще... нет, в последнюю ночь нашей цивилизации я не намерен вести себя грубо. Молодой человек, у вас есть пять минут, чтобы сказать то, что вы хотите. Спустя пять минут вы либо получите мое разрешение остаться и наблюдать затмение, либо уйдете по доброй воле. Вам понятно?

Серимон на секунду замялся.

Понятно.

Артур извлек из кармана карманные часы.

Пять минут. Время пошло.

Хорошо! Во-первых, если я выступаю в роли летописца грядущих событий, есть ли какая-то разница, согласны вы с этим или нет? Если ваши прогнозы верны, мое присутствие вам не повредит — миру придет конец, завтрашних газет не будет, и я никак не смогу вам навредить. Напротив, что случится, если никакого затмения не произойдет? Вы и ваша братия станете всеобщим посмешищем на все времена. Не находите ли вы благоразумным поручить человеку с добрыми намерениями справиться с этим неизбежным осмеянием?

Артур презрительно фыркнул:

Вы имеете в виду себя?

Разумеется!

<http://bllate.org/book/21124/2143638>